

УДК 811.133.1

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ
ОБРАЗНОСТИ РОМАНА «ПЛАКАЛЬЩИЦА ПРАЖСКИХ УЛИЦ»
С. ЖЕРМЕН В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ**

**Жилевич Ольга Фёдоровна, к.ф.н., доцент,
зав. кафедрой межкультурных коммуникаций
Полесский государственный университет**

Jilevich Olga, PhD, Polessky State University, jilevitch@gmail.com

Аннотация. Предлагаемое исследование посвящено изучению языковой репрезентации аллегории в оригинале и переводе французского романа С. Жермен «La Pleurante des rues de Prague».

Ключевые слова: аллегория, образ, роман, перевод, Ж.-М.Г. Леклезие, «Пустыня»

Язык тесно связан с текстом и культурой. Исследуя тексты, мы интерпретируем понятия культуры в различных ее формах. Одним из ярких художественных представлений идей культуры и отражений их в языке, в частности, в тексте является аллегория.

Аллегория – это условное изображение абстрактных идей посредством конкретного художественного образа или диалога. Аллегория – одна из самых древних литературных малых форм, которая существовала в одном ряду с присказкой, афоризмом, апологом, анекдотом и т.д. Несмотря на эволюцию на протяжении веков, аллегория остается легко узнаваемой в современных произведениях. В зарубежном литературоведении один из наиболее ранних теоретиков иносказательных форм, Е. Блум, характеризует её как «двуплановый иносказательный прием» [3, с. 25]. Аллегория, по мнению Ф. Нортроп, это «ряд ассоциаций в повествовательной последовательности, обозначающий другой ряд ассоциаций во временных или вневременных последовательностях; это сложная повествовательная метафора» [6, с. 232].

В XX-начале XXI вв. для решения своих художественно-эстетических идей к аллегории обращались и продолжают обращаться такие авторы, как Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. ГарсиаМаркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, М. Турнье, С. Жермен и др.

Несмотря на широкое использование аллегории в качестве художественного приема в разные эпохи развития национальных литератур, до сих пор остаются многочисленные неразработанные вопросы.

Цель настоящего исследования – выявить некоторые особенности аллегорической образности романа «Плакальщица пражских улиц» С. Жермен в белорусском и русском переводе.

Перевод аллегорий – это довольно сложный процесс передачи авторских мыслей, культурных особенностей и интертекстуальных связей.

Существуют различные классификации перевода иносказаний, в том числе и аллегорий. К примеру, Е. Блум дает следующие способы перевода иносказательных выражений:

- а) внутренний (стилевой контраст) и внешний (шрифт, маркировка);
- б) использование распространенных фразеологизмов;
- в) возможна компенсация, возникает в случае потери аллегории [3, с. 27].

Ф. Нортроп предлагает собственную классификацию аллегорий:

Первую группу, по его мнению, составляют мифологические, литературные, библейские, исторические и другие иносказания. Чаще всего используются аллегории, связанные с историческим характером произведений. Такие аллегории легкие для декодирования, поскольку они более конкретные, но в то же время они менее экспрессивные и эмоциональные. Исторические и литературные аллегории предлагают читателю содержательно-интеллектуальную информацию. Наиболее экспрессивные и эмоциональные – библейские и мифологические аллегории. Для положительной характеристики героя авторы используют чаще всего библейские аллегории. Для передачи яркой информации уместны мифологические аллегории, в меньшей степени, библейские и литературные.

К другой группе аллегорий исследователь относит: топонимы; антропонимы; космонимы; зоонимы; теонимы; ктематонимы и тому подобное.

К третьей группе Ф. Нортроп относит аллегии, которые широко используются в цитатах, контаминациях, выражениях, реминисценциях и тодалее.

По мнению Дж. Клиффорда, с точки зрения структуры, аллегория может быть представлена словом, словосочетанием или словесными образованиями. Ученый выделяет аллегии-сверхфразовые единства, аллегии-абзацы, аллегии-строфы, аллегии-прозаические строфы, аллегии-главы, наконец, аллегии-художественные произведения. В последней разновидности аллегии, Дж. Клиффорд называет ее архитектурной [4]. Такая аллегория представлена целым художественным произведением. В английской литературе примером подобного рода аллегии является «Повелитель мух» У. Голдинга как апокалиптическое иносказание.

Аллегии не являются постоянными по своему характеру. Они прогрессируют вместе с развитием общества. В свою очередь, следует отметить, что осуществить качественный перевод специфических аллегии с учетом социокультурных аспектов бывает чрезвычайно сложно.

Главная цель переводчика при воспроизведении аллегии – это обеспечение ее узнаваемости реципиентом и сохранение ее ассоциативного фона, ведь сложность перевода иносказания заключается в частичной или полной потере его узнаваемости в целевой культуре, а это может мешать понять авторскую интенцию. Поэтому специалист должен как можно полнее и четче передать весь комплекс ассоциаций в переводе, которые вызывает аллегория у читателя оригинала.

Аллегорическим можно считать такое повествование, которое направлено на диалог с ранее существующими текстами, то есть это такой текст, который находится в поле интертекстуальности. Повествование условно вступает во взаимодействие с прецедентными текстами, но при этом он ориентирован на общение с читателем, рассчитан на ответную реакцию со стороны читателя. Взаимодействие читателя с текстом и широкий кругозор читателя для интерпретации аллегии крайне важны. Текст, написанный автором, и его перевод – это не один и тот же текст; именно поэтому автор аллегорического повествования, в первую очередь, ориентируется на читателя [2, с. 385].

Говоря об аллегорическом повествовании, мы на самом деле имеем дело с двумя различными текстами. Так, у писателя есть определенный багаж фоновых знаний и, кроме того, некоторый авторский умысел, который может быть выполнен благодаря текстовым включениям и тех смыслов, которые эти новые включения придают повествованию.

Читатель исследует созданное автором произведение, и после прочтения интерпретирует его по своему. Таким образом это повествование обогащается за счет тех смыслов, которые вносит в него каждый читатель.

Некоторые аллегии при прочтении остаются неопознанными, в результате чего объем смыслов «читательского» текста будет гораздо уже смыслового объема «авторского» повествования. Возможна и противоположная ситуация: некоторые смыслы могут оказаться расширенными читателем благодаря его фоновым знаниям. Иногда объем знаний читателя может оказаться немного шире объема знаний автора, и тогда в текст будут привнесены новые значения интерпретации [2, с. 387].

Для иллюстрации специфики перевода с французского на белорусский и русский языки аллегории «*La Pleurante*» из философско-аллегорического романа С. Жермен «Плакальщица пражских улиц» (*La Pleurante des rues de Prague*). Образ Плачки/Плакальщицы в белорусском/русском и французском художественных текстах – один из важнейших иносказаний этнокультурного и национального самосознания.

Плач и причитания, как объект изображения трагического в жизни человека, был распространен как в религиозной культуре, так и в народном фольклоре. В плаче страдание наделяется одухотворенностью благодаря образности. Плач или причитания осуществляют вопленицы или плакальщицы. В мировой литературе художественные произведения с аллегорическим образом Плакальщицы отражают либо индивидуальную судьбу, либо коллективные страдания целого народа или нации.

В рассказах «Плачка», «Сын Бури» и романе–притче «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических повествованиях» (1844) Я. Барщевского, белорусского писателя XIX века, одним из самых ярких аллегорий-образов является Плакальщица (Плачка). Плакальщица у автора позиционируется бедной сиротой (тем самым делается акцент на ее личной потере и драме).

Плачка появляется в опустевших домах, в пустых храмах и на руинах, под деревьями или посреди поля. После захода солнца она садится на камень, сетует на судьбу жалобным голосом и проливает свои слезы.

Плачка – это символично–аллегорическая Беларусь народно-мифологического времени. Ее могут увидеть немногие. Только Сыну Бури и Мученику–Духу, которые сами бродят по миру в поисках счастья и лучшей судьбы для людей, открывается этот таинственный образ: «Женщина та необыкновенно красивая. Одежда ее – белая, как снег, на голове – черный наряд, и черная косынка накинута на плечи. Лицо хотя и смуглое от солнца и ветра, но красивое и видное, глаза живые, и всегда блестят на их слезы» [1, с. 69]. И до сих пор, как говорит слепой Франтишек, «никто ее не понял».

По задумке автора, Плачка–Беларусь оплакивала не умерших, а живых героев для того, чтобы уважали ее святыни. В символично-аллегорической форме эта идея должна была пройти через негативный период беспамятства – народно-мифологического времени – к периоду народно-историческому, который характеризуется интересом людей к духовному наследию своего края, прежде всего, славному историческому прошлому.

Придавая религиозное значение аллегории Плакальщицы, французский писатель стремится заострить различные аспекты современного мира. Религиозный аспект Плакальщицы отражен в описании ее одеяния, подобного монашескому плащу и ее величественного силуэта нищего. По своему внешнему описанию Плакальщица С. Жермен подобна образу бродяги в стихотворении В. Гюго «Нищий» (*Le mendiant, 1856*). В произведении В. Гюго взгляд поэта погружен в созерцание его порванной шубы. И В. Гюго и С. Жермен придают одежде главных персонажей символично-аллегорическое наполнение. В данном случае просматривается прозрачный намек на божественное содержание героев.

Явление образа Плакальщицы в белом ореоле света и в полутьме, также свидетельствует о ее сверхъестественном значении. В тексте произведения лексема «*Pleurante*» (дословно: плачущая) рифмуется со словом «*orante*» (молящаяся) (от латинского *orare* означает «молиться»). Причастие, от которого оно образовано,

указывает на непрерывный процесс и отличие от фигуры «наемной плакальщицы», которой платят за то, чтобы оплакать судьбу покойного. Молчаливая песня Плакальщицы в романе С. Жермен ближе к внутренней молитве, чем к оплакиванию на похоронах. Таким образом, в седьмом своем появлении аллегорический образ сравним с фигурой Пресвятой Богородицы: она поднимает горожан и усаживает их на колени, как мать, как пиета, которая утешит город, терпящий бедствие.

Таким образом, эффективное и положительное межкультурное взаимодействие означает понимание иносказательных знаков в разных культурах. Аллегория в произведениях Я. Барщевского и романе С. Жермен выходит за рамки своего традиционного определения. Авторы вкладывают в аллегорический образ Плачки–Плакальщицы двойной смысл, играют на прозрачности и непрозрачности его интерпретации. С. Жермен связывает художественную аллегорию с историей и современностью Чехии. Анализ множественных функций аллегории в произведениях обоих писателей показал, что они не сводят ее лишь к выдумке. Оба писателя продемонстрировали употребление персонифицированного образа Плачки–Плакальщицы одновременно на разных уровнях: историческом, религиозном, мистическом. Несмотря на то, что аллегория подчинена нормативным и строгим принципам функционирования в художественном тексте, у обоих авторов она практически переходит в сферу символики. Прозаики придают аллегорическому образу в своих произведениях особую гибкость, наделяя глубоким смыслом и мистической тайной, предоставляя больше пространства для игры с читателем.

Список использованных источников

1. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі ; уклад., прадм. і камент. М. Хаўстовіча. – Мінск : Беларус. Кнігазбор, 1998. – 480 с.
2. Жилевич, О.Ф. Проблема аллегории в современном литературоведении / О.Ф. Жилевич // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19-20 марта 2020 г. / Белорусский государственный университет, Факультет социокультурных коммуникаций; ред. коллегия: О.Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 385-389.
3. Bloom, E. A. The allegorical principle / E. A. Bloom // *English Literary History*, 18(3):163–190, Sept., 1951. – P. 25–39.
4. Clifford, G. The transformations of allegory / G. Clifford. – London: Routledge & Kegan Paul, 1974. – 230 p.
5. Germain, S. La Pleurante des rues de Prague / S. Germain. – Paris : Folio, 1994. – 132 p.
6. Northrop, F. Anatomy of Criticism: Four Essays / F. Northrop // В. Косиков Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – С. 232–263.